

Эпистолярные связи исследователей и производство антропологического знания

Дмитрий Арзютов, Лаура Сирагуза

От составителей

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_7

Dmitry Arzyutov, Laura Siragusa
From the Compilers

Антропология неразрывно связана с письмом. Революция, вызванная сборником статей «Письменная [пишущая] культура» («Writing Culture») в американской антропологии, позволила осмыслить фигуру пишущего антрополога: она или он ведут свой дневник в поле, привозя домой «частичную правду» о своих встречах и путешествиях, которую они затем трансформируют в академические тексты. По этой причине полевой дневник вот уже много лет находится в центре внимания критиков антропологического знания. Но насколько текстуальный мир антропологии ограничен полевым дневником? Две части настоящей журнальной подборки отвечают на этот вопрос, обращаясь к антропологическому и историческому анализу писем между антропологами и их переписке с людьми из поля. Шесть историй, составивших нашу коллекцию, охватывают период с самого начала XX века до конца холодной войны и рассказывают, как небольшие листы бумаги, испещренные зачастую трудночитаемым почерком или же набранные на печатной машинке, соединяли поле и кабинет, студентов-полевиков, аспирантов и их научных руководителей, коллег, живущих в разных городах, странах и на разных континентах и порой не имевших возможности встретиться лично. Как показывают публикуемые статьи, письма — один из уникальных материальных объектов в истории антропологии, благодаря которому происходило формирование отдельных областей самой дисциплины, а вместе с этим как производство и поддержание властных иерархий, так и формирование пространств свободы, едва заметных из властных кабинетов. При этом письма оставались теми объектами, благодаря которым ученые, находящиеся внутри закрытых границ, имели возможность коммуницировать с «внешним миром». И наконец, внутри некоторых областей антропологии, истории и фольклористики письма становились едва

ли не важнейшим источником для формирования архива. И именно в этих архивах сегодня историки науки обнаруживают высказанные, но не опубликованные идеи наших предшественников, оценки событий и людей, которые они могли высказать в переписке.

Обозревая это разнообразие производства антропологического знания, авторы статей предлагают несколько вариантов написания истории антропологии через письма. **Дмитрий Арзютов, Сергей Кан и Лаура Сирагуза** распутывают узлы переписки Франца Боаса, отца американской антропологической традиции. В фокусе их анализа — письменные связи Боаса и основатель советской ленинградской этнографической школы: Владимира Богораза и Льва Штернберга. Авторы, используя понятие из историографии раннего Нового времени — *Res Publica Literaria*, показывают жизнь этой разветвленной сети писем и ее роль в формировании самой дисциплины антропологии (или этнографии, на русском академическом языке того времени), а вместе с этим условность разделения на «публичное» и «приватное» в переписке. Эта статья — сокращенный и переведенный на русский язык вариант введения к двухтомной архивной антологии писем Франца Боаса, которая готовится к печати в 2025 году. **Игорь Кузнецов**, отталкиваясь от классических источниковедческих техник сопоставления документов, предлагает использовать письма для уточнения событий и имен в истории американской и российской антропологии. Он также приходит к выводу, что по крайней мере у некоторых из антропологов эпохи Боаса переписка становилась отдельным жанром научного творчества, наряду с диссертацией, докладом, статьей или лекцией, поскольку зачастую именно в ней излагались и доказывались новые теории, так и не дошедшие до «легитимных» печатных форм. Заключает первую часть подборки статья **Сергея Алымова**, которая посвящена истории писем историков, антропологов и философов времен холодной войны. Используя две метафоры: «сети свободомыслия», о которых говорит его собеседница по переписке Елена Говор, и «невидимый колледж» (*invisible college*) из классической социологии науки, Сергей Алымов продолжает наблюдения, намеченные в первой статье подборки о роли писем в формировании интеллектуальных традиций. Перед читателем открывается советский ревизионистский марксизм («второй марксизм»), представители которого с трудом находили свое место внутри советских академических институтов и университетов, но обрели своих единомышленников по переписке, как внутри страны, так и за ее пределами. Эта статья — часть большого книжного проекта Сергея Алымова по интеллектуальной истории советского марксизма в этнографии и истории позднего социализма.

Вторая часть подборки, которая будет опубликована в следующем номере журнала, посвящена разнообразным диалогам между столичными учеными и их полевыми партнерами. Здесь переписка — важнейший элемент инфраструктуры производства знания и собственно материализация этого знания. **Николай Вахтин и Елена Лярская** показывают роль писем из поля в понимании «столкновения принципов ленинградской этнографической школы с советской реальностью». Их герои — ученики Богораза и Штернберга, отправившиеся в сибирские экспедиции, — ведут интенсивный диалог со своими учителями и через эти письма формулируют своеобразное кредо полевого этнографа. Эта статья — фрагмент масштабного авторского исследования по истории этнографического североведения в Ленинграде. **Мария Момзикова**

продолжает «биографии» писем на примере переписки этнографов и лингвистов с их полевыми партнерами на Советском Севере по возвращении первых из поля. Она показывает, как само поле расширялось во времени и пространстве благодаря письмам, при этом отмечая, что переписка, с одной стороны, воспроизводила формы социального и эпистемического неравенства (столичный исследователь vs. провинциальный информант, учитель vs. ученик), однако с другой — обнаруживала зависимость исследователей от лингвистической, фольклористической или этнографической информации через письма, получаемые от «людей на местах». В заключительной статье второй части нашей подборки **Светлана Подрезова** анализирует, как письма, отправленные уже не из далекой Сибири, а бывшими революционерами, живущими в разных советских городах, превращаются в основной источник для формирования архива революционной песни в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде. Переплетение устного и письменного, мобильности и немобильности — в центре рассказа Светланы Подрезовой.

Все истории, вошедшие в настоящую подборку, объединяет еще одно: каждая из них высвечивает разные стороны агентности самих писем, их способность как материальных объектов быть частью социальных отношений внутри и за пределами академии. Двигаясь сложными путями по сибирским дорогам, через государственные границы, внутри институтов и через руки цензоров, бережно собираемые на полках в разных учреждениях, квартирах и домах, письма выступали одним из важнейших субъектов в производстве знания. Глядя на эти замысловатые сети, мы не можем не провести параллель к сегодняшней эпохе, когда ежедневный обмен электронными письмами и сообщениями в мессенджерах между учеными из разных стран, с одной стороны, продолжает космополитичные интеллектуальные традиции Нового времени, а с другой — показывает, насколько «бумажные мосты», построенные и поддерживаемые исследователями, могут морально, а порой и физически спасти людей, оказавших в заложниках у авторитарных режимов.